

Утомленные жизнью

Некоторые размышления и сомнения, навеянные «Лучшими российскими спектаклями «Золотой маски» в Магнитогорске»

Представление в клубном формате

НОВАЦИЯ

«Театр.doc» представил зрителю манифест молодого поколения.

Премия «Золотой маски» спектакль «Кислород» в постановке Виктора Рыжакова получил в номинации «Новация». В данном случае речь идет не о режиссерских ноу-хау, необычной трактовке или технических прибамбасах. Речь — о тексте пьесы, созданной Иваном Вырыпаевым, одним из символов молодой отечественной драматургии:

— Я считаю, что это безразлично, когда государственный театр говорит о вещах, которых просто не существует. Он говорит, например, о любви Ромео и Джульетты, и в самом крайнем случае, чтобы оживить пьесу, режиссер одевает героев в современные костюмы. Я не против Шекспира, «Ромео и Джульетта» — великая пьеса, но когда зритель приходит вечером, садится в кресло, а его обманывают, показывая некую иллюзию, — это неправильно.

Вместо «неправильного» сегодня Шекспиру драматург предложил бесплодное и в чем-то ироничное мироощущение своего поколения — поколения тридцатилетних.

Представьте небольшую сцену ночного клуба, ди-джей за пультом, задник, растянутый, как рекламный плакат. В таком виде предстала перед зрителем средняя сцена Магнитогорского драмтеатра, на которой два человека — сам Вырыпаев и рыжеволосая актриса Арина Маракуллина — начали ритмичный диалог в стиле рэп. «Танцующая» проза звучала под музыку Стинга, Portishead, новосибирской группы Nuclear Losz. Текст, собственно, и был драматическим действием. На языке себя, сленга и Библии молодые люди спорили о десяти заповедях, современном Иерусалиме, терактах, Нью-Йорке и Арабских Эмиратах. Вели себя актеры свободно, устая, сходили со сцены, чтобы попить воды. Слов было так много, а времени на раздумья так мало, что оставалось лишь окунуться в общий трепет жизни, не различая конкретных лиц.

«Сказано: не судите, да не судимы будете, и сказано это в оправдание отсутствия памяти. Иными словами,

если у кого-нибудь застрелят из охотничьего ружья любимого человека, то не судить стрелявшего можно только одним способом — забыть об убийце. Навсегда забыть о существовании ружья, убийцы и любимых людей».

— Если молчит пресса — пусть театр говорит. И пусть в зал приходят люди в норковых шубах, может, в них что-то шевелится. Нужно честно признать, что мы плохо и бедно живем. 80 процентов жителей нашей страны слушают радио «Шансон», любят мыльные сериалы и ведущий ток-шоу, — считает драматург. — В Москве, в границах Садового кольца, живет очень малая часть населения. А страна совсем другая. Недавно я был в Иркутске, в доме, где жил и где до сих пор мои сверстники сидят на скамейке. И там все плохо, от начала до конца, там процветают героин, бедность, и это наша страна. Драма — самый сильный способ сказать правду о сегодняшнем уясе.

«Когда приходит время высказаться, то оказывается, что у одного рот набит свиной колбасой, у других сегодня суббота, а в этот день даже бог почивал от трудов своих, из чего следует, что нужно наяряться мацы, включить телевизор и смотреть репортаж о наводнении в Сибири, повторяя про себя: «Нам бы ваши проблемы».

Героев спектакля мучает нехватка кислорода, той красоты и смысла, которые нужны для жизни каждому человеку. Сквозной сюжет всех пьес — история Саньки из Серпухова, зарывшего свою жену, потому что в ней «кислорода» не было, и влюбившегося в рыжую девушку Гашу, потому что в ней «кислорода» был. Тоска по красоте — то искусство, ради чего люди любят, ненавидят и убивают.

«И если человечеству сказали «не убей», а кислорода вдоволь не предоставили, то всегда найдется Санек из маленького провинциального городка, который для того, чтобы дышать, чтобы легкие танцевали в груди, возьмет кислородную лопату и убьет некоего родного жену».

Говорят, публика в московском «Театре.doc» нередко сидит прямо на полу. Магнитогорский зритель в этом плане тоже не теряет: заняты были не только сидячие места, но и ступеньки, где молодежь получала свою порцию «кислорода».

В Москве современная драматургия давно и прочно вошла в репертуарный театр. Во МХАТе ставят братья Пресняковы, Евгения Гришковца, Максима Курочкина. Сегодня такая драматургия уже не андеграунд, не подвал и не авангард. И слава богу, — заканчивает беседу Иван Вырыпаев. — Для меня любой спектакль — это вовремя поставленный вопрос. Ответа на него я не знаю, поэтому и занимаюсь театром.

Подготовила Юлия СЧАСТЛИВЦЕВА.

В каждом «Человеке» есть немного Дали

НЕ ОТ МИРА СЕГО

«Картины — это лишь часть моей космогонии, самое значительное выражение моей правды. Расшифруйте! Разгадайте! Тогда вы почувствуете головокружение от познания абсолютной человечности», — говорил Сальвадор Дали о своем творчестве.

Однако то, что Дали хотел этим сказать, мне кажется, было загадкой для самого художника. Что, впрочем, не помешало попытаться разгадать ее и создать сильные образы картин «Великого шута» Омского театра пластической драмы «Человек» им. Нелли Дугар-Жабон в спектакле «Анаморфозы шута». Зрелище совершенно «не от мира сего» — где-то жутковато, где-то гротескно... На сцене то ли люди, то ли непонятные существа с нечеловеческой пластикой. Загадочный мир памяти и жизненного опыта, иногда реального, иногда придуманного, но искаженного через призму фантастического видения: существа, парящие над сценой, напоминают поначалу манекенов, в которых угадываешь после одно из гениальных полотен мастера сюрреализма — «Христос святого Хуана де ла Крус». Вот муравьи, которых Дали сравнивал с коррупцией; вот «красный король» пытается вырваться из пут связывающего крыс хвоста, вот механические куклы и, конечно же, часы, перетекающие во времени и пространство и напоминающие зрителям о постоянстве времени...

Все это — парадоксальное соединение иррациональности, натурализма и огромной силы воображения. Откровенно и трогательно, абсурдно и смешно. Какая сцена дальше — угадать невозможно. И не удивительно, что зрители не остались равнодушны — к концу спектакля зал просто взорвался!

Илья МОСКОВЦЕВ.

«Дачники».

новый сад» или шекспировскую «Бурю», ни один нормальный россиянин делать этого не станет. Чтение пьесы — умение особое, ничего общего не имеющее с поглощением сюжета увлекательного романа или повести. Добавьте к этому взвинченный темп современной жизни, когда большинству вечером только и хватает сил, чтобы включить телевизор и тупо уставиться на экран, изобилующий

чала прошлого века монологом Юлии, обращенный к мужу: «Ты сделал из меня неприличную женщину!»... звучал как самое большое откровение, то, согласитесь, сегодня подобное в устах какой-нибудь «мадам с Рублевского шоссе» может выглядеть лишь как пошлая театральная реплика и не более того.

Режиссер и актеры обошлись с пьесой виртуозно, не доведя пародию до пошлости (что зна-

Билеты на фестиваль лучших актерских и режиссерских работ всероссийского уровня за неделю до его начала купить в кассе Магнитогорского драматического было невозможно. В субботу — аншлаг. В воскресенье на подступах к театру особо упорные без уверенности в голосе спрашивали о «лишних» билетах. Два последних фестивальных вечера администрация театра сбивалась с ног в поисках приставных студеев... И все это, разумеется, замечательно! Замечательно то, что театр в Магнитке продолжают любить независимо от положения в политике и экономике, изменения правительственных приоритетов и погодных условий. А пять вечеров «Золотой маски» в Магнитогорске оказались средним лучшим годами истории нашего «Театра без границ», когда каждая работа, заявленная в программе, при всей противоречивости и неоднозначности оценок критики и зрительской аудитории, тем не менее, стоила внимания и тех, и других...

Этот фестиваль вернул Магнитке театральное подлинное ощущение праздника

Впрочем, «правда жизни» — понятие изменчивое во времени. И потому позволю себе несколько отклониться от описания общепризнанного впечатления, оставленного «золотыми» вечерами, и порассуждать на тему сеяния разумного, доброго, вечного театром, в который зритель, по привычке, спешит на встречу с подлинной красотой искусства в ожидании воздействия его очищающей силы и эмоционального взрыва, с помощью которых веками формировалась непостижимая для иностранцев русская душа.

К чему это я? Да к тому, что взятый в конце 80-х современным режиссурой курс на «модернизацию» классических сюжетов и поиск неких новых форм существования актера на сцене, широкого зрителя, в большин-

«Дачники». (Омский академический театр драмы)

дикими плясками и песнями попой, «аншлагами» и «хрониками чрезвычайных происшествий», и перестаньте, наконец, удивляться тому, что нынешний театрал стал заметно менее подкован в области мировой драматургии. Он зачастую просто не знает, о чем изначально была написана пьеса, по новому прочитанная режиссером-постановщиком.

Так что, не стоит удивляться тому разочарованию, которое постигло многих из пришедших в фестивальные дни на спектакль Омского академического театра драмы «Дачники» в постановке Евгения Марчелли. Хотя в данном случае режиссер, на мой взгляд, поступил с горьковской пьесой гениально, увидев в описанных в ней любовных «треугольниках», тя-

дкими плясками и песнями попой, «аншлагами» и «хрониками чрезвычайных происшествий», и перестаньте, наконец, удивляться тому, что нынешний театрал стал заметно менее подкован в области мировой драматургии. Он зачастую просто не знает, о чем изначально была написана пьеса, по новому прочитанная режиссером-постановщиком. Так что, не стоит удивляться тому разочарованию, которое постигло многих из пришедших в фестивальные дни на спектакль Омского академического театра драмы «Дачники» в постановке Евгения Марчелли. Хотя в данном случае режиссер, на мой взгляд, поступил с горьковской пьесой гениально, увидев в описанных в ней любовных «треугольниках», тя-

дким плясками и песнями попой, «аншлагами» и «хрониками чрезвычайных происшествий», и перестаньте, наконец, удивляться тому, что нынешний театрал стал заметно менее подкован в области мировой драматургии. Он зачастую просто не знает, о чем изначально была написана пьеса, по новому прочитанная режиссером-постановщиком. Так что, не стоит удивляться тому разочарованию, которое постигло многих из пришедших в фестивальные дни на спектакль Омского академического театра драмы «Дачники» в постановке Евгения Марчелли. Хотя в данном случае режиссер, на мой взгляд, поступил с горьковской пьесой гениально, увидев в описанных в ней любовных «треугольниках», тя-

дким плясками и песнями попой, «аншлагами» и «хрониками чрезвычайных происшествий», и перестаньте, наконец, удивляться тому, что нынешний театрал стал заметно менее подкован в области мировой драматургии. Он зачастую просто не знает, о чем изначально была написана пьеса, по новому прочитанная режиссером-постановщиком. Так что, не стоит удивляться тому разочарованию, которое постигло многих из пришедших в фестивальные дни на спектакль Омского академического театра драмы «Дачники» в постановке Евгения Марчелли. Хотя в данном случае режиссер, на мой взгляд, поступил с горьковской пьесой гениально, увидев в описанных в ней любовных «треугольниках», тя-

«Вий». (Театр им. А. С. Пушкина, Москва)

это во время фестиваля на спектакле Московского ТЮЗа «Скрипка Ротшильда». Не менее замечательно реагировали магнитогорцы и на выступление единственного в своем роде театра пластической драмы «Человек», язык которого являет собой удивительный синтез пластики, музыки, художественности поэтических образов и того, что абсолютно не объяснимы словами, но является главной составляющей рождения подлинного чуда.

Так что, думаю, не ошибусь, если скажу: «Золотая маска» вернула Магнитке театральное подлинное ощущение праздника. Ибо каждый из спектаклей, будь то лауреат или номинант единственной на сегодня российской национальной театральной премии, являя собой зрительно многообразные поиски современной режиссуры в области искусства, о ко-

жизни современной «аристократии», девушка, сидевшая за нами, реанимировала репликами: «Ужас! Кошмар! Безобразия!»

— По-моему, Горького они просто перевернули, — это глубокомысленный вывод мы услышали, уже выйдя из театра на улицу.

Принадлежал он опять же подрастающему поколению, которое в данном случае не имеет малейшего желания с ними спорить. Просто у нас разный опыт постижения культурного наследия. Потому что в моих детстве и юности телевидение и радио, не делавшие ставки на коммерческий успех, транслировали тех же «Дачников» множество раз в исполнении «мамонта» российской сцены того времени. Потому что уделный вес классики в репертуаре драматических театров страны составлял тогда процентов 60-70, не меньше. Потому что не было тогда хрестоматий, в которых перекладывались многотомные романы Льва Толстого, занимая по страницам 30-40, не больше. И потому, что большую часть классического наследия мы впитывали не с экранов мониторов, а со страниц книг, читанных-перечитанных нашими предшественниками...

Младенца приучают к пище насущной, начиная не с конфет и прыжков. Приобщать зрителя к великому искусству театра тоже лучше не с пародий и кануэтинок. Конечно, театр — не аксиома. Здесь дважды два не всегда равно четырем. Но чтобы понять всю прелесть этой непредсказуемости — результата,

исходил в это время на сцене. И уж тем более их не волнует тот факт, что сидящие рядом заплатали за свои билеты вовсе не для того, чтобы выслушивать эту перепалку. Но в партер опоздавших пускают нынче и на рядовых спектаклях, и во время фестивалей...

Чтобы не быть голословной в своих суждениях, расскажу напоследок анекдотический случай из жизни. В театре давали «Гамлет». Не фестивального — просто «новаторского». Постановка изобиловала режиссерскими «изысками», наводнившими, впрочем, своей новизной тоску и уныние. Когда после первого акта опусти-

надо прежде постичь основы непредложных истин. Иначе театр рискует оттолкнуть от себя зрителя умного и пытливого, заполнив образованный вакуум теми, кто приходит в подобные места, чтобы зафиксироваться в

ли, наконец, занавес, сидевший рядом со мной молодой человек младшего студенческого возраста с букетом цветов на коленях осторожно поинтересовался:

— А вы не знаете, это уже конец или еще что-то будет? Решив, что сосед просто что-то запомнил в развитии классической истории по причине спутанности режиссерской мысли, я не без иронии ответил:

— Ну что вы, конечно, нет. Его же еще должны убить.

— Кого? — совершенно искренне ужаснулся мой сосед.

— Как кого? Гамлета, разумеется. А вы еще надо было Лаэрт, и они заколют друг друга шпагами...

Эффект, произведенный на юного зрителя этим сжатым изложением концовки, оказался совершенно неожиданным: мальчишка слегка шатнуло в сторону, после чего он медленно побрел в фойе кортотать десятиминутный антракт — ему еще надо было вручать цветы в финале. Классика английской драматургии он явно не читал. И боюсь, уж никогда не прочтет...

Вера ЗАСНИЧ.

